

Глаголев С. С. Новости русской литературы по религиозно-философским вопросам: [о книге:] Гирн Г. А. Анализ вселенной в ее элементах / Пер. с фр. Издание Московского психологического Общества. М., 1898 // Богословский вестник 1898. Т. 4. № 12. С. 373–393 (2-я пагин.). (Окончание.)

Новости русской литературы по религиозно-философским вопросам.

3.

Въ мірѣ физическомъ существуетъ элементъ духовный. Гирнъ говоритъ, что этотъ элементъ не можетъ непосредственно дѣйствовать на матерію, для этого ему требуется сила, при помощи силы и матерія дѣйствуетъ на этотъ элементъ. Здѣсь есть два крайне неясныхъ пункта: 1) по отношенію къ духу—зачѣмъ ему нужно воздѣйствовать на матерію и 2) по отношенію къ матеріи—какъ она (абсолютно твердые, имѣющіе неизмѣнный объемъ—атомы) можетъ распорядиться силами? Изложенная нами теорія матеріи не вызываетъ этихъ недоумѣній. Матерія нужна для духа, чтобы—болѣе или менѣе—пользоваться силами сообразно съ своею природою или согласно съ рѣшеніями своей свободной воли ослаблять однѣ силы, давать болѣе простору другимъ и въ общемъ все болѣе и болѣе овладѣвать ими. По отношенію къ силамъ матерія есть необходимый результатъ ихъ взаимодѣйствія.

Такъ, въ общихъ чертахъ представляется намъ взаимоотношеніе матеріальнаго, динамическаго и анимическаго элементовъ. Но чтобы вести разсужденіе далѣе, нужно еще установить и опредѣлить точнѣе природу и среду дѣятельности послѣдняго изъ этихъ элементовъ. Гирнъ говоритъ, что вся органическая природа есть въ то же время и одушевленная, что всякій физиологическій процессъ предполагаетъ въ себѣ психическую основу. Можно ли принять этотъ взглядъ? Послѣ выхода въ свѣтъ книги Гирна онъ подвергался многочисленнымъ и разностороннимъ обсужденіямъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ матеріалы для его рѣшенія предста-

вили въ своихъ работахъ Дарвины—отецъ съ сыномъ (Чарльзъ и Френсисъ: *The power of movement in plants and Insectivorous plants*). Во второй половинѣ восьмидесятыхъ въ физиологiи стало развиваться направленіе (его ревностный сторонникъ Бунге), отрицающее возможность физическаго истолкованiя физиологическихъ процессовъ. И вотъ, въ концѣ девяностыхъ годовъ мы встрѣчаемся съ заявленіемъ ботаника, что онъ не стѣсняется признать жизненную силу, какъ начало управляющее растительными процессами, и не колеблется признать у растеній инстинктъ и впечатлительность ¹⁾. Въ тоже время ботаникъ совсѣмъ другаго направленiя въ нерѣшимости останавливается надъ вопросомъ: владѣютъ ли растенія сознаниемъ или нѣтъ ²⁾? Ряды фактовъ, повидимому, вели къ тому, чтобы отвергнуть различіе между растенiями и животными; оказалось, что трудно провести границу между растительнымъ и животнымъ царствомъ. Присутствiе психическаго начала всегда связывали съ существованіемъ нервной системы, но оказалось, что нервной системы не имѣетъ весь типъ protozoa (простѣйшихъ животныхъ) и цѣлый подтипъ coelenterata (кишечнополостныхъ) — губки (spongiaria). Граница, раздѣляющая царства, исчезаетъ, и повидимому существованіе всего того, что есть въ животныхъ, придется признать и у растеній. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Нашему духу присуще убѣжденіе въ неодушевленности растеній и одушевленности животныхъ. Но справедливо ли это убѣжденіе? Были философы, отрицавшіе одушевленность животныхъ, и были философы и являющіеся ученые, предполагающіе дремлющую душу у растеній. Чтобы оцѣнить сравнительное достоинство этихъ воззрѣній, обратимъ вниманіе прежде всего на то, что непосредственно сознаваемое нами различіе между растенiями и животными имѣетъ нравственно практическое значеніе. Мучить животныхъ безнравственно, и того, кто мучаетъ ихъ, мы считаемъ виноватымъ передъ ними; ломать и портить растенія тоже безнравственно, но того, кто дѣ-

¹⁾ Проф. Кернеръ, ср.—Марилаунъ, Жизнь растеній. Перев. подъ редакц. проф. Бородина. 1898 г. Выпускъ 1-й, стр. 46—47. Сочиненіе только что начинается выходить въ русскомъ переводѣ.

²⁾ Проф. Тимирязевъ, Жизнь растенія. Четв. издан. 1896 г. стр. 256—257.

даетъ это, мы считаемъ виноватымъ не передъ растеніями, а передъ ихъ владѣльцами и передъ требованіями пользы и красоты (идушими отъ людей, а не отъ растеній). То, что психическое начало и въ животныхъ иногда представляется весьма скуднымъ, трудно уловимымъ и даже совсѣмъ неуловимымъ для насъ, ничего не доказываетъ: у насъ нѣтъ органовъ для наблюденія весьма малыхъ величинъ, но за всѣмъ тѣмъ эти малыя величины отличаются отъ нуля цѣлою безконечностью.

Гирнъ беретъ названія изъ психологіи (*исканіе* растеніями свѣта, *чувствительность* мимозы) и не хочетъ замѣчать, что этими названіями онъ обозначаетъ физическіе факты движенія. Одни изъ нихъ теперь объяснены, для другихъ высказаны предположительныя объясненія, наконецъ въ изслѣдованіи всѣхъ ихъ исходятъ изъ твердаго убѣжденія, что они суть чисто физическіе акты. Въ царствѣ низшихъ растеній многочисленны факты передвиженія. Растеніе, двигающееся отъ одного пункта по направленію къ другому, повидимому, поразительное явленіе, разбивающее всѣ наши представленія о растительномъ царствѣ! Но дѣло въ томъ, что этими движеніями регулируютъ или свѣтъ (фототаксисъ) или химическое воздѣйствіе среды (хемотаксисъ). Если въ каплю наполненную микробами направить капиллярную трубочку, пасыщенную, положимъ, хлористымъ каіемъ, то микробы устремятся въ эту трубочку. Если трубочку насытитъ щелочью, микробы устремятся отъ нея. Здѣсь мы имѣемъ притяженіе и отталкиваніе по выбору (нѣчто аналогичное съ химическимъ средствомъ, а вовсе произвольное движеніе). Допускающіе здѣсь участіе психическаго начала впадаютъ въ то затрудненіе, что имъ приходится признавать, что психическій элементъ преобладаетъ въ низшихъ, а не въ высшихъ растеніяхъ. Высшія растенія не передвигаются. У нихъ существуетъ только движеніе нѣкоторыхъ органовъ, особенно листьевъ. Сюда относится знаменитое опусканіе листьевъ у мимозы. Вотъ, какъ оно объясняется. „Спокойное положеніе листа у мимозы обусловливается тѣмъ, что обѣ половины коровой паренхимы ¹⁾

1) Паренхимой въ растеніяхъ называется ткань, состоящая изъ клеточекъ тѣсно соединенныхъ между собою и имѣющихъ приблизительно одинаковые размѣры.

сочлененія (верхняя и нижняя) напряжены одинаково, но дѣйствуютъ прямо противоположно: верхняя стремится нагнуть листь внизъ, нижняя — поднять вверхъ. Вслѣдствіе раздраженія (вызываемаго, наприм., прикосновеніемъ) напряжение нижней половины ослабѣваетъ, она выдѣляетъ часть воды въ межклетники, уменьшается въ объемѣ, дѣлается дряблою, какъ бы вянетъ: листь опускается. Во время покоя, слѣдующаго за раздраженіемъ, клетки нижней половины снова насыщаются водою, напряжение ткани достигаетъ прежней величины — листь поднимается ¹⁾“.

Эфиръ, хлороформъ анестезируютъ мимозу. Надо полагать, что ихъ испаренія препятствуютъ выдѣленію воды изъ нижней корковой паренхимы и тѣмъ дѣлаютъ безрезультатными раздраженія листа. Понятно, что вліяніе этихъ испареній можетъ быть только временнымъ. Гирнъ отличаетъ, что яды, дѣйствующіе на нервную систему, убиваютъ также и нѣкоторыя растенія. Можно предположить, что эти яды дѣйствуютъ на протоплазму растеній. Вѣдь, нервное вещество есть извѣстнымъ образомъ видоизмѣненная протоплазма. У животныхъ, не имѣющихъ нервной системы, послѣдняя функционируетъ, какъ нервы. Должно предположить, что у животныхъ она служитъ аппаратомъ для передачи раздраженій ощущающему началу, въ растеніяхъ же измѣненія и движенія протоплазмы представляютъ собою только физическій актъ.

Но можно ли въ самомъ дѣлѣ физиологическіе акты представить, какъ исключительно физическіе. Пока первые не истолкованы изъ послѣднихъ, остается возможность оспаривать такое истолкованіе и утверждать, что необъясненная часть явленій есть вмѣстѣ съ тѣмъ и необъясняемая. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ въ настоящее время нерѣшенъ. Имѣется ли особая физиологическая энергія или нѣтъ? Мы не знаемъ этого, но во всякомъ случаѣ, полагаемъ, позволительно утверждать, что, если она существуетъ, то 1) она не заключаетъ въ себѣ ничего психическаго (ногти и бороды растутъ у покойниковъ, неужели это доказываетъ, что въ ихъ тѣлахъ сохранился нѣкоторый психическій

¹⁾ Ивановскій, Передвиженіе органовъ растеній. Энциклон. сл. Брокгауза и Эфрона. 1898 г. Т. 45. стр. 202.

останокъ?) и 2) находится въ полной гармоніи и нерасторжимомъ сочетаніи съ другими физическими энергіями. Если она не существуетъ, то, конечно, существуетъ самозарожденіе. Если она существуетъ, вопросъ о самозарожденіи остается открытымъ. Нужно ли необходимо, чтобы всякое фізіологическое явленіе обусловливалось непрерывнымъ существованіемъ фізіологическихъ явленій въ прошедшемъ (происхожденіе организмовъ отъ организмовъ), или при извѣстныхъ условіяхъ можетъ произойти замѣщеніе физическихъ энергій фізіологическою, какъ происходитъ замѣщеніе тепла электричествомъ. Можно предполагать и „да“ и „нѣтъ“. Но странно, какъ Гирнъ допускаетъ съ своей точки зрѣнія возможность самозарожденія. Актъ образованія зародыша организма для него есть актъ вступленія въ вещество анимического начала. Но, вѣдь, анимическое начало, во его теоріи, уже было въ этомъ веществѣ, ибо это вещество организованное и живое. Такимъ образомъ, если здѣсь что и происходитъ, то вступленіе новаго анимического начала. Немножко представляется страннымъ, какъ эти начала могутъ размежеваться между собой и, повидимому, ясно, что живое здѣсь можетъ происходить только отъ живаго, т. е. что самозарожденія не существуетъ.

Говоря о появленіи анимического начала въ веществѣ, Гирнъ касается стараго и глубоко важнаго вопроса о связи душъ по происхожденію. Онъ обнаруживаетъ намѣреніе слишкомъ далеко распространить эту связь, но вмѣстѣ съ тѣмъ она представляется у него крайне слабою. Гирнъ писалъ свою книгу десять лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ трактата Дарвина о происхожденіи видовъ, когда по поводу новой теоріи и по вопросу о связи человѣка съ животными велись оживленные споры и разсужденія, и самъ творецъ теоріи дописывалъ послѣднія главы изслѣдованія „о происхожденіи человѣка“. Гирнъ— хотя ни въ чемъ не видно, чтобы онъ увлекался біологіей — былъ въ курсѣ новыхъ теченій и замѣтно склонился въ ихъ сторону. Онъ допустилъ правдоподобіе теоріи измѣненія видовъ. Онъ принялъ, что обезьяна можетъ произвести зародышевое яйцо, въ которое сойdetъ болѣе совершенное анимическое начало, чѣмъ какое было у этой обезьяны. Сообразно съ этимъ изъ даннаго зародыша выйдетъ существо съ болѣе

совершеннымъ организмъ и съ высшею духовною природою, отъ этого существа произойдетъ еще высшее существо и такъ путемъ незамѣтныхъ переходовъ дѣло дойдетъ до человѣка. Такимъ образомъ устанавливается связь человѣка со всей одушевленной вселенной, т. е. по Гирну, со всѣмъ животнымъ и растительнымъ міромъ. Но при разсмотрѣніи эта связь оказывается совершенно внѣшнюю и въ сущности мнимую. Анимическое начало попадаетъ въ тотъ или другой зародышъ только, потому что оно создано подобнымъ началу произведшему этотъ зародышъ. Художникъ нарисовалъ картину, потому съ нѣкоторыми отступленіями нарисовалъ ея копію. Души такъ же не связаны по своему происхожденію между собою, какъ и эти картины. Связующее начало между ними—художникъ. Но нашему духу присуща идея нерасторжимой связи между людьми—духовной связи между душами, устанавливаемой не при помощи электричества или теплоты, но происхожденіемъ, вѣрою и любовью. Никогда бы не былъ понятъ и усвоенъ догматъ, что въ Адамѣ „всѣ согрѣшили“ (Рим. V, 12), если бы не было идеал единства всѣхъ. Теорія Гирна не можетъ удовлетворить ни сторонниковъ матеріалистической эволюціи, ни сторонниковъ религіозныхъ началъ. Первыхъ она должна оттолкнуть теорією множества подобныхъ, но не тождественныхъ анимическихъ началъ, поступающихъ произвольно и, слѣдовательно, лишаящихъ возможности дать механическое міропостроеніе. Вторыхъ она отталкиваетъ теорією обособленности психическихъ началъ. Религія ищетъ единенія въ любви. Я хочу чувствовать чувства моего брата, но теорія Гирна позволяетъ мнѣ только догадываться о нихъ при помощи магнетизма или электричества. Гирнъ-сторонникъ физическаго и психическаго атомизма. Но какъ теорія физическихъ атомовъ для того, чтобы быть принята въ философіи, должна получить пѣкоторые дополненія и истолкованіе, такъ и теорія психическихъ индивидуумовъ нуждается въ нѣкоторыхъ разъясненіяхъ и дополненіяхъ, чтобы стать въ согласіи съ фактами психической жизни и съ требованіями религіозной совѣсти.

Душа непространственна и однако ограничена въ пространствѣ. Она непространственна: нельзя указать такой

точки, къ которой бы относились мои психическіе процессы, какъ къ своему началу. Она ограничена въ пространствѣ: сфера ея вліянія опредѣляется поверхностью принадлежащаго ей тѣла и даже нѣкоторыя свои состоянія она локализируетъ въ опредѣленныхъ пунктахъ пространства („боль распространилась по ногѣ“ и т. д.). Эти факты привели нѣкоторыхъ къ тому, что они говорили о себѣ: „я—тѣло и я мыслю“. Но если они дѣйствительно мыслили, они, конечно, никогда не могли бы показать тѣла, которое производило ихъ мысли. Нѣтъ: ихъ „я“ не было ихъ тѣломъ: имъ могли оторвать руки, ноги, лишить ихъ глазъ, и все таки ихъ „я“ бы осталось на землѣ, но, наоборотъ, достаточно было бы задержать ихъ дыханіе на 15 минутъ, не нанося ущерба никакой части ихъ организма, и ихъ „я“ исчезло бы навсегда. Тѣло для души, это—пунктъ ея соприкосновенія съ міромъ, тѣло опредѣляетъ границы воздѣйствія души на міръ и предѣлы вліянія міра на душу. Тѣло, это—сложный узелъ, которымъ душа привязывается къ міру, при помощи его міръ содѣйствуетъ развитію духа, духъ воздѣйствуетъ на міръ. Онъ обладаетъ такими свойствами. Въ началѣ въ немъ много скрыто потенциальной энергіи (зародышъ уже заключаетъ въ себѣ способность стать взрослымъ и крѣпкимъ организмомъ), эта энергія постепенно переходитъ въ кинетическую, тѣло растетъ и крѣпчаетъ. Затѣмъ, когда энергія вся проявится во внѣ, она начинаетъ разсѣиваться, узелъ слабѣетъ и ветшаетъ. Въ концѣ концовъ происходитъ разрывъ: смерть. Это—конецъ при настоящемъ порядкѣ вещей нормальный. Но разрывъ можетъ произойти всегда при нарушеніи условій, опредѣляющихъ законы связи духа съ тѣломъ. Можно представить себѣ иной порядокъ вещей, при которомъ связь души съ міромъ станеть неразрывною, и взаимоотношеніе міра и души будетъ инымъ: міръ будетъ въ большемъ подчиненіи у души. Этотъ порядокъ можетъ возникнуть по воскресеніи тѣлъ. Гирнъ совершенно напрасно иронизируетъ надъ этою мыслию въ своей книгѣ.

Разсматриваемая сама въ себѣ, душа не есть ни сумма цѣлыхъ, ни часть цѣлаго. Нельзя представлять себѣ, что наша душа слагается изъ какихъ то низшихъ психическихъ единицъ меньшаго размѣра и меньшей интенсивности.

Сумма такихъ слагаемыхъ могла бы только *казаться* цѣлымъ для посторонняго наблюдателя, но *не быть* цѣлой сама въ себѣ. Наше „я“ не могло бы находиться ни въ одномъ изъ образующихъ его элементовъ, ни внѣ ихъ всѣхъ. Но наше „я“ существуетъ; слѣдовательно, оно само есть образующій себя и достаточный для своего существованія элементъ. Нельзя этотъ элементъ мыслить и какъ часть какого то высшаго бытія неотдѣлимую отъ этого бытія. Чѣмъ крѣпче связь части съ цѣлымъ въ организмѣ, тѣмъ меньше самостоятельна часть. Въ низшихъ организацїяхъ эта связь слабѣе, и тамъ части относительно самостоятельнѣе. Будучи оторваны, они могутъ продолжать далѣе самостоятельное существованіе. Въ организацїяхъ высшихъ части строго координированы съ цѣлымъ: ни онѣ не могутъ существовать отдѣльно отъ цѣлаго, ни цѣлое не можетъ возмѣщать ихъ (у рака вмѣсто оторванной выростетъ новая клешня, но у человѣка замѣнь оторванной руки не выростетъ новая). При абсолютно неразрывной связи часть поглощается цѣлымъ, она безусловно не можетъ дѣйствовать самостоятельно и не можетъ относить къ себѣ внѣшнія воздѣйствія, какъ къ нѣкоторому самостоятельному началу (въ ощущенїяхъ), но наша душа чувствуетъ себя самостоятельною и сознаетъ, какъ несомнѣнный фактъ, что свою самостоятельность она можетъ развивать и укрѣплять. Наша самостоятельность выражается въ томъ, что мы называемъ себя „я“. Развїтіе въ себѣ своей индивидуальности есть развїтіе полноты своего бытія. Чѣмъ яснѣе сознаетъ себя „я“, какъ опредѣленную и обособленную единицу, тѣмъ оно самостоятельнѣе и выше.

Если душа не есть ни часть ни сумма, то она — цѣлое, единица. Однако должно признать, что и такое опредѣленіе можно дать ей не какъ вполне отвѣчающее истинѣ, а только какъ болѣе вѣрное, чѣмъ два другихъ. Всякую величину мы мыслимъ или частью, или суммой, или единицей, но при разсужденїи о душѣ мы сознаемъ, что наши количественныя теорїи могутъ быть въ весьма скудной мѣрѣ прилагаемы къ духовному міру. Вотъ, почему представленіе души, какъ единаго и самостоятельнаго цѣлаго, должно быть дополнено нѣкоторыми новыми чертами. Эти новыя черты можетъ быть трудно связать съ тѣмъ, что

установлено прежде, но, вѣдь, мы не въ силахъ дѣйствительность заключить въ рамки нашей ограниченной логики и нашихъ ограниченныхъ познавательныхъ средствъ. Мы сказали, что душа представляется намъ, какъ нѣкоторый самъ себя образующій элементъ. Но для самообразования требуется прежде всего существованіе самообразующаго. Процессъ развитія души начинается съ нѣкотораго опредѣленнаго момента. Этимъ моментомъ могутъ считать моментъ зачатія, могутъ отодвигать его въ трансцендентную даль (теорія предсуществованія) или приближать къ моменту рожденія, но при самыхъ различныхъ предположеніяхъ его не могутъ отодвигать въ безконечность. Есть нѣкоторый пунктъ, на которомъ приходится остановиться — пунктъ, на которомъ душа начинаетъ свое развитіе (сначала безсознательное и безконечно малое, по рожденіи сознательное и быстрѣе прогрессирующее), начинаетъ свою дѣятельность. Но размышленіе приводитъ къ выводу, что бытіе не можетъ и существовать безъ дѣйствованія. Отсюда получается выводъ, что душа не вѣчна, что она начинаетъ свое существованіе съ нѣкотораго опредѣленнаго момента и, такъ какъ не существуя, она не можетъ призвать себя къ существованію, то мы заключаемъ, что она производится нѣкоею внѣшнею и высшею силою Богомъ. Въ этомъ — уже самою по себѣ непостижимомъ — актѣ есть еще сторона, объясненіе которой, предложенное Гирномъ, представляется совершенно неудовлетворительнымъ. Факты утверждаютъ насъ въ убѣжденіи, что души по своему происхожденію стоятъ въ зависимости отъ родителей. Гирнъ говоритъ, что въ зародыши создаваемые родителями привлекается анимическое начало подобное тому, какое было у родителей. Гирнъ признаетъ, что люди дѣлаютъ свои души по своей волѣ такими или иными. У него такимъ образомъ выходитъ, что Богъ творитъ новыя души по тѣмъ образцамъ, которые ему предлагаютъ собою души уже существующія. Это представляется страннымъ. Конечно, трудно освѣтить этотъ темный вопросъ. Можетъ быть тамъ въ трансцендентномъ мірѣ существуетъ законъ (первый человѣкъ не могъ подлежать ему), по которому анимическая субстанція не можетъ начать бытія и дѣятельности, не получивши къ этому импульса отъ существо-

вавшей уже души. Вызванному Богомъ къ бытію анимическому началу сообщается толчекъ къ дѣятельности и развитію прежде существовавшими душами. Сообщается направленіе развитію всѣхъ душевныхъ силъ, при этомъ конечно это направленіе бываетъ тѣмъ же (или точнѣе равнодѣйствующимъ изъ тѣхъ), котораго держались по отношенію къ себѣ сообщающія его души (Быт. V, 3). Можно образнѣе представить дѣло такъ. Онѣ—эти ранѣе существовавшія души—влекуть за собою новую анимическую единицу по лѣстницѣ духовнаго развитія. Она привязана къ нимъ, какъ онѣ привязаны къ тѣмъ, кто родилъ ихъ, и вступить на эту лѣстницу нельзя, не будучи привлеченной тѣми, кто уже находился на ней. Затѣмъ, по мѣрѣ своего развитія душа можетъ дѣйствовать самостоятельно и избирать пути иные, но порвать своей связи съ своимъ родомъ она не можетъ, ибо внѣ этой связи немислимо даже представить ея существованію. А если такъ, то представленіе души, какъ обособленнаго цѣлаго уже оказывается не отвѣчающимъ дѣйствительности. Душа существуетъ въ связи съ своимъ родомъ, но этотъ родъ, происшедшій отъ абсолютнаго начала, не можетъ и продолжать своего существованія безъ этого начала. То, что не самобытно, не можетъ быть абсолютно самостоятельнымъ. Съ исчезновеніемъ причины исчезаетъ и дѣйствіе. Возраженіе противъ этого, что причины исчезаютъ, а слѣдствіе остается, основано на двухсмысленномъ употребленіи слова „причина“. Толчекъ сообщилъ шару движеніе, и при отсутствіи препятствій шаръ, говорятъ, будетъ двигаться вѣчно. Причина (толчокъ) исчезла, но слѣдствіе осталось. Но причина здѣсь не толчекъ, а — говоря языкомъ механики—извѣстное количество энергіи движенія, сообщенное шару и непрерывно его двигающее. Исчезнетъ эта энергія, перейдетъ она въ другія тѣла, и шаръ остановится. Но самой этой энергіи для продолженія существованія требуется опора въ произведшей ея первопричинѣ. Эта опора требуется и душѣ (Дѣян. XVII, 28).

Если представленіе о душѣ, какъ обособленной единицѣ, ограничивается ея зависимостью по происхожденію и существованію отъ Бога прежде всего, а затѣмъ и отъ другихъ душъ, то, съ другой стороны, это представленіе ограничи-

вають факты множественности душевныхъ способностей и измѣнчивости душевнаго содержанія. Знанія, чувствованія и желанія, и измѣненіе ихъ по количеству, качеству и напряженности, все это, относящееся къ одному и тому же „я“, склоняетъ къ представленію этого „я“, какъ чего-то сложнаго и неустойчиваго. Безъ сомнѣнія, здѣсь нѣтъ простоты въ смыслѣ однообразія, и трудно представить и истолковать такое бытіе. Анализъ открываетъ намъ въ немъ единство силъ, способность ихъ къ безпредѣльному развитію и свободу. Гирнъ отмѣтилъ всѣ эти качества анимическаго начала. Признаніе единства силъ слѣдуетъ у него изъ его общаго признанія единства бытія въ гармоніи. Въ приложеніи къ душѣ это, можетъ быть, даже легче понять, чѣмъ въ приложеніи къ физическому міру. Всякое чувствованіе предполагаетъ собою, съ одной стороны, знаніе этого чувствованія, съ другой, желаніе или нежеланіе сохранять его (смотря по характеру чувствованія: пріятное оно или непріятное). Такимъ образомъ, способности души оказываются нераздѣлимыми. Способность къ безпредѣльному развитію открывается изъ безпредѣльности душевныхъ стремленій. Гирнъ говоритъ, что человѣкъ способенъ воспріять и понять безконечное, ибо иначе у него не было бы идеи о безконечномъ. Но способности души не развиваются по закону необходимости. Она свободна. Надбляя душой даже и растенія, Гирнъ ищетъ свободы и въ растительномъ царствѣ. Но не обращаясь къ ботаникѣ, онъ сдѣлалъ бы лучше, еслибы постарался раскрыть и обосновать понятіе свободы духа на родной ему почвѣ физическихъ знаній. Онъ близко подходитъ къ этому, утверждая, что душа въ своей дѣятельности не производитъ работъ, не затрачиваетъ энергіи. Но какъ можетъ происходить это? Его способъ выраженій нѣкоторыхъ читателей повергъ въ недоумѣніе. Какъ механикъ и физикъ, онъ могъ бы дать объясненіе по этому вопросу.

Свобода воли заключается въ способности выбора между рѣшеніями. Воля можетъ желать многоаго, должнаго, пріятнаго, одного она желаетъ сильнѣе, другаго слабѣе. Свобода рѣшаетъ, къ осуществленію какого желанія должно стремиться. Это рѣшеніе дается независимо отъ силы мотивовъ, оно не имѣетъ своего prius и его нельзя разсмат-

ривать, какъ слѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ. Результатомъ свободныхъ рѣшеній души являются физическія дѣйствія, движеніе. Но если свобода есть причина нѣкоторыхъ движеній, то тогда, повидимому, законы причинности и сохраненія энергіи не имѣютъ всеобщаго значенія въ физическомъ мірѣ. Но они признаются имѣющими всеобщее значеніе; слѣдовательно, нельзя признавать существованія свободной воли. Этотъ аргументъ детерменистовъ сокрушаетъ наука меньше всего терпящая въ своей области произволь — механика. Для того, чтобы нарушить существующее равновѣсіе, достаточно какого-угодно безконечно малаго количества силы. Между тѣмъ малѣйшее нарушеніе равновѣсія иногда можетъ сопровождаться страшными послѣдствіями: паденіямъ страшной тяжести, взрывомъ и т. п. Но здѣсь все таки требуется хотя и безконечно малое, однако нѣкоторое количество силы — большее нуля. Душа не можетъ располагать и такимъ количествомъ. Но механика знакомитъ насъ съ случаями, когда для проявленія свободной дѣятельности не требуется никакого усилія для сообщенія направленія явленію. У Пуанкарэ, одного изъ лучшихъ современныхъ математиковъ (бывшаго не такъ давно министромъ народнаго просвѣщенія во Франціи) есть поучительная работа о дифференціальныхъ уравненіяхъ. Результаты интегрированія этихъ уравненій съ геометрической точки зрѣнія выражаются непрерывными кривыми линіями, имѣющими ту особенность, что оны развѣтвляются въ нѣкоторыхъ точкахъ. Движеніе явленія, протекающее по этимъ линіямъ, можно опредѣлить вполне дотолѣ, пока оно не вступитъ въ точку, откуда начинается развѣтленіе. Здѣсь нельзя опредѣлить и напередъ предсказать, по какому изъ направленій найдетъ явленіе дальше. Буссинэ, имѣя въ виду подобныя задачи динамики, предположилъ, что вѣчто совершенно аналогичное происходитъ и въ области психической дѣятельности. Анализъ показываетъ, что движеніе предмета въ нѣкоторые моменты можетъ совершаться безразлично по многимъ направленіямъ. Тоже самое должно предположить и въ теченіи психической жизни. Уравненія, рѣшающія вопросъ о направленіи этого теченія, въ нѣкоторые моменты, можетъ быть и часто, можетъ быть даже непрерывно, даютъ нѣсколько рѣшеній, указываютъ нѣ-

сколько направлений пути. Слѣдовательно, избраніе того или другаго пути не требуетъ никакого усилія, свободный актъ, совершаемый душою, не производитъ никакой работы и ничего не прибавляетъ къ суммѣ міровой энергіи ¹⁾. Эти механико-математическіе факты должно привести въ соотношеніе съ состояніемъ вещества и энергіи въ организмѣ. Состояніе это крайне неустойчивое. Въ организмѣ постоянно происходитъ безчисленное множество физическихъ и химическихъ процессовъ. Его состояніе есть какъ бы состояніе особенныхъ точекъ. Поэтому съ физической точки зрѣнія признаніе свободной воли можетъ быть вполне соглашено съ принятіемъ принципа сохраненія энергіи.

Въ полномъ согласіи находится это признаніе и съ данными физиологіи. Свобода человѣческой воли предполагаетъ существованіе въ человѣкѣ такихъ физиологическихъ процессовъ, возникновеніе которыхъ нельзя представить, какъ необходимое слѣдствіе предшествовавшихъ физиологическихъ состояній или внѣшнихъ воздѣйствій. Физиологія знаетъ такіе процессы. Они носятъ имя волевыхъ импульсовъ. Исходною точкою ихъ, повидимому, служатъ нервныя центры сѣрой коры мозговыхъ полушарій, въ особенности въ ихъ переднихъ доляхъ. Это доказывается тѣмъ, что „область произвольныхъ движеній у животныхъ по мѣрѣ удаленія сѣрой коры мозговыхъ полушарій все болѣе и болѣе ограничивается и по вырѣзываніи обоихъ полушарій головного мозга животныя превращаются, повидимому, въ безсознательныхъ автоматовъ, способныхъ къ жизни, благодаря продолжающимся сердцебіенію и дыханію, но лишенныхъ возможности сдѣлать какое-либо волеовое движеніе и отвѣчающихъ только на внѣшнія раздраженія отраженными актами“. Механизмъ возникновенія волевыхъ импульсовъ въ первыхъ центрахъ

¹⁾ Нѣкоторыя соображенія объ этомъ см. у Фрейснэ, Очерки по философ. математ., пер. Обреимова. 1897 г. стр. 157 и слѣд. Покойная женщина -- математикъ и литераторъ -- Ковалевская, исходя изъ работы Пуанкаре, предполагала, что вообще теченіе жизни человѣка опредѣляется законами необходимости за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ моментовъ, въ которые исключительно отъ свободной воли человѣка зависитъ опредѣлить дальнѣйшее направленіе жизненнаго пути. Но разъ направленіе выбрано, теченіе понесетъ человѣка съ силою необходимости. См. Энциклоп. словарь Брокга. и Эфрона. 30 Полутомъ. 1895 г. Ковалевская.

полушарій большаго мозга неизвѣстенъ. Всякому волевому импульсу повидимому предшествуетъ молекулярное измѣненіе нервнаго клѣточного вещества, выражающееся въ томъ, что въ части мозга, гдѣ предполагается начало импульса, возникаетъ отрицательное электрическое напряженіе, что обнаруживается гальванометромъ (одинъ электродъ приставляется къ переднему, другой къ заднему полушарію мозга лягушки). Оказывается, что токъ предшествуетъ движенію. Волевые импульсы центробѣжны, распространяются они перекрестными путями (черезъ продолговатый мозгъ переходятъ въ противоположную сторону спинного мозга)¹⁾. Нервные центры, изъ которыхъ отправляются волевые импульсы, представляютъ собою особенныя точки въ организмѣ. При тождествѣ анатомо-физиологическаго и электрическаго состоянія они обуславливаютъ возможность движенія по различнымъ направленіямъ.

Такъ, механика, физика и физиологія не только не идутъ противъ свободы воли, напротивъ, ими признается нужда въ ней. Эти науки указываютъ особенныя мѣста и состоянія, когда вмѣшательство свободы воли требуется, чтобы въ дальнѣйшемъ сообщить явленіямъ опредѣленное направленіе. Остается еще услышать слово отъ психологіи. Здѣсь насъ ожидаетъ нѣчто странное. Въ то время, какъ въѣра физика въ свою свободу въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ находила собѣ разъясненіе и основанія въ наукахъ о природѣ, въ психологіи неоднократно дѣлались утверженія, что вопросы о томъ, что такое душа и есть ли свобода воли, не имѣютъ значенія и собственно не входятъ въ область психологіи. Психологи обнаружили великодушную готовность уступить ихъ богословамъ и метафизикамъ. Но какъ ни называть тѣхъ, кто будетъ рѣшать эти вопросы, они во всякомъ случаѣ будутъ рѣшать ихъ на основаніи данныхъ психологіи. Одинъ изъ такихъ психологовъ самъ и устанавливаетъ вопросъ о свободѣ воли въ своемъ учебникѣ психологіи и представляетъ психологическія данныя, подсказывающія положительное рѣшеніе вопроса. Психологъ этотъ — Джемсъ. Человѣка къ дѣятельности побуждаютъ

1) Тарханова, О волѣ (въ физиолог. отнош.) Энциклоп. слов. Брокг. и Ефрона. 13 полутомъ, стр. 175 и слѣд. 1892 г.

разнообразные мотивы. Джемсъ дѣлитъ ихъ на идеальные (мотивы долга) и чувственные (мотивы склонности). Въ области физической тѣло всегда двигается по линіи наибольшаго давленія или наименьшаго сопротивленія. Въ области духовной человѣкъ можетъ подчиниться мотиву, который представляется слабѣйшимъ. Для того, чтобы подчиниться такому мотиву, человѣкъ долженъ употребить нѣкоторое нравственное усиліе. Это усиліе нами самими сознается, какъ первичный, ни отъ чего не зависящій факторъ. Прилагая къ психологій математическій языкъ, Джемсъ называетъ это усиліе „независимой переменной“ (величиной). Эта „независимая переменная“, прибавляемая къ слабѣйшему мотиву, дѣласть его сильнѣйшимъ. Если эта переменная (это усиліе) дѣйствительно ни отъ чего независима, то, значитъ, существуетъ свобода воли; если на самомъ дѣлѣ она есть функція всѣхъ элементовъ душевнаго состоянія (если на прим., интензивность этого усилія возрастаетъ прямо пропорціонально встрѣчаемому сопротивленію: усиліе, побуждающее, противостать искушенію, возрастаетъ вмѣстѣ съ силой искушенія), то тогда свободы не существуетъ. Проверку этой дилеммы научно-психологическимъ путемъ Джемсъ признаетъ невозможной ¹⁾. Это заключеніе Джемса намъ представляется невѣрнымъ; мы считаемъ, что Джемса привели къ нему тѣ невѣрные пути, которые выбрали для своихъ изслѣдованій современные психологи. У Авенаріуса въ его трактатѣ „О философіи, какъ мысленіи о мірѣ сообразно съ принципомъ наименьшей затраты силъ“ указывается, что усилію опыта много вредятъ субъективныя примѣси, привносимыя въ опытъ наблюдателемъ. Авенаріусъ перечисляетъ различныя роды такихъ примѣсей и называетъ въ ряду ихъ мнѳологическія (источникъ ихъ—стремленіе человѣка объяснять вещь по аналогіи съ собою), но онъ не замѣтилъ, что современные психологи и философы и онъ, Авенаріусъ, постоянно привносятъ въ свои разсужденія противоположныя примѣси, источникъ которыхъ—стремленіе истолковывать свою душевную жизнь по аналогіи съ меха-

¹⁾ Джемсъ, Психологія, перев. и предисл. Ланшина. 1896 г. См. трактатъ о волѣ, особен. объ усиліи (стр. 368 и слѣд.) и свободѣ (стр. 381 и слѣд.), также предисловіе переводчика стр. 30 и слѣд.

вическими явленіями. Въ эту ошибку впадетъ и Джемсъ. Мотивы представляются ему чѣмъ то въ родѣ составляющихъ силъ въ механикѣ и свободное усиліе какимъ то контрдавленіемъ (дѣйствіемъ упругости) встрѣченному сопротивленію. Но языкъ механики совсѣмъ не приложимъ къ душевнымъ явленіямъ. Въ механикѣ, когда на тѣло дѣйствуетъ нѣсколько силъ, оно обыкновенно не двигается по направленію ни одной изъ этихъ силъ, но по нѣкоторой равнодѣйствующей; въ душевной жизни человѣкъ обыкновенно подчиняется одному изъ мотивовъ, устраняя другіе. Въ механикѣ направленіе движенія тѣла болѣе всего приближается къ направленію наибольшей изъ дѣйствующихъ на него силъ (теорія контрдавленія со стороны тѣла здѣсь даетъ выводы совсѣмъ не тѣ, которые хочетъ установить Джемсъ), въ душевной жизни рѣшеніе далеко не всегда совпадаетъ съ сильнѣйшимъ изъ мотивовъ. Безспорно, въ душевной жизни между предыдущимъ и послѣдующимъ есть связь, и эта связь называется причинною. Но эта связь совсѣмъ иная, чѣмъ въ мірѣ физическомъ, и причинность здѣсь должна мыслиться иначе. Душевные явленія происходятъ, такъ сказать, въ особенныхъ точкахъ и въ ихъ послѣдующемъ бываетъ больше, чѣмъ въ предыдущемъ. Въ мірѣ физическомъ послѣдующее отличается отъ предыдущаго только инымъ размѣщеніемъ элементовъ, въ психической жизни послѣдующее богаче содержаніемъ, чѣмъ предыдущее. Моя душа представляетъ собою сейчасъ нѣчто гораздо большее, чѣмъ она была при рожденіи, и это большее не заимствовано ею отъ внѣшняго міра или отъ другихъ душъ (развитіе моей души не обуславливалось какою либо физическою или психическою убылью въ другихъ мѣстахъ), какъ заимствована изъ внѣшняго міра матерія моего тѣла. Такъ, въ душевной жизни дѣйствуетъ принципъ не сохраненія, а возрастанія энергій, и связь между предыдущимъ и послѣдующимъ является не однообразною, а многообразною. Анализъ душевной жизни показываетъ, что въ ней происходитъ *свободный прогрессъ*, и потому мы считаемъ несправедливымъ утвержденіе Джемса, что фактъ свободы на психологической почвѣ недоказуемъ.

Свободный прогрессъ! Процессъ свободного развитія духа совершается въ двухъ направленіяхъ: духъ все болѣе и

болѣе подчиняетъ себѣ физическія силы, физическую природу, и все тѣснѣе и тѣснѣе соединяется съ другими подобными ему душами. Это—акты расширенія могущества и любви. Они дадутъ блаженство, когда достигнуть своей полноты; по воскресеніи. Они предполагаютъ безсмертіе. Безсмертіе, какъ нашъ конецъ, указываетъ намъ и Гирнъ въ своей книгѣ. Многія ея выраженія показываютъ, что предполагаемый имъ образъ безсмертія не совсѣмъ согласуется съ ученіемъ Христа и, слѣдовательно, съ истиной. Это заблужденіе теоретическое. Но есть въ книгѣ Гирна на одной изъ ея страницъ выраженіе, которое намъ представляется опаснымъ по своимъ практическимъ слѣдствіямъ. Мы привели его, излагая содержаніе книги. Гирнъ высказываетъ догадку, что страхъ предъ смертію внушенъ намъ „для того, чтобы мы не покушались слишкомъ рано покинуть свою земную обложку“. Не заключаетъ ли въ себѣ это выраженіе мысли, что страхъ смерти имѣетъ своимъ источникомъ обманъ, заблужденіе? Не подсказываетъ ли оно отрицательнаго отвѣта вопросу Гамлета и всѣхъ неудачниковъ и несчастныхъ: „to be or not to be“? „Одинъ ударъ, и ты свободенъ“, мечталъ Гамлетъ; „одинъ ударъ, и ты блаженъ“, какъ бы подсказываетъ Гирнъ. Безъ сомнѣнія, онъ не хотѣлъ высказать мысли, что убійство и самоубійство—кратчайшіе пути ведущіе къ небу, но его выраженіе подсказываетъ всѣмъ страждущимъ эту несчастную мысль.

Но не въ этомъ неудачномъ выраженіи, не въ промахахъ, ошибкахъ и неполнотѣ заключается значеніе книги Гирна. Она цѣнна своимъ положительнымъ содержаніемъ. Въ ней утверждаются лучшія вѣрованія и чаянія человечества: Богъ, свобода, безсмертіе. И въ своихъ утвержденіяхъ авторъ исходитъ изъ такихъ началъ, которыя считаютъ для себя обязательными (данныя положительной науки) всѣ культурные люди, и въ раскрытіи этихъ началъ онъ высказываетъ догадки (о существованіи нѣсколькихъ видовъ энергіи, ихъ непревратимости), которыя только теперь стали предметомъ провѣрки и обсуждения такъ, что тридцатилѣтнее разстояніе между книгой Гирна и настоящими днями какъ будто исчезаетъ.

Самъ Гирнъ совершенно связываетъ свою книгу съ опредѣленнымъ историческимъ моментомъ — началомъ второй

половины XIX вѣка и открытіемъ закона сохраненія энергій. Его доводы въ пользу защищаемыхъ имъ идей стоятъ въ гораздо меньшей зависимости отъ эпохи, чѣмъ онъ думаетъ (они только формулированы въ выраженіяхъ эпохи), и для этихъ идей всѣмъ желающимъ видѣть дѣйствительность всегда представляла непоколебимыя основанія. Гирнъ думаетъ, что термодинамика, открывъ механической эквивалентъ теплоты, открыла съ тѣмъ вмѣстѣ Бога. Но раньше этого за 18 вѣковъ св. Павелъ сказалъ, что „вѣчная сила Его и Божество, отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы“ (Рим. 1, 20). Отъ созданія міра Богъ возвѣщалъ человѣку о Себѣ чрезъ міръ. Міръ ограниченъ, несамобытенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ міръ есть нѣчто гармоничное. Эти истины человѣкъ всегда сознатель непосредственно, и отсюда у него слагалось два ряда умозаключеній— съ одной стороны, о проходимости и тлѣности, съ другой, о красотѣ и величіи міра. Оба эти рода приводили къ одному выводу, что міръ по происхожденію и бытію зависитъ отъ Бога. Гирнъ думаетъ, что новыя теоремы термодинамики приводятъ къ Его признанію, но развѣ философія природы у древнихъ не утверждала того же самаго. „Всѣ тѣла стремятся къ покою“ , говорили древніе. Если это такъ и если для міра еще не наступилъ покой, то значить есть Нѣчто Высшее, своимъ всемогуществомъ препятствующее погрузиться существующему въ покой небытія. Но это не такъ, говорятъ намъ, это наивно—дѣтская и притомъ близорукая (никакое движеніе не ослабѣваетъ) персонификація явленій. Такъ ли? спросимъ мы. А тотъ открытый законъ, что въ природѣ все стремится придти въ равновѣсіе, и что неизвѣстно никакой энергій, которая бы противодействовала этому стремленію, развѣ это не тоже, что открытіе стремленія къ покою? Движеніе познается только тогда, когда движущійся предметъ перемѣщается по отношенію къ другимъ предметамъ, но такое движеніе стремится уничтожиться въ природѣ. Всякій предметъ стремится отдать имѣющійся у него избытокъ энергій другимъ предметамъ. Движенія всѣхъ тѣлъ въ природѣ должны стать равными. Природа—великая уравнильница, но это уравненіе есть смерть, и эта смерть не царствуетъ, потому что Высшая Сила подастъ жизнь. Много пронизировали надъ изреченіемъ древ-

нихъ: „природа боится пустоты“, и выкачавъ (конечно, неполнѣ) воздухъ изъ воздушнаго колокола, думали, что поэтическое положеніе древнихъ сокрушено и должно забыться на вѣки. Но такъ ли это? Не стремится ли все живое распространяться, какъ можно болѣе, и все роды физической энергіи не стремятся ли къ равномерному распространенію во всемъ пространствѣ? И это стремленіе къ равномерности есть опять таки стремленіе къ смерти, и ему встрѣчается противодѣйствіе только свыше.

Въ положеніяхъ nihil e nihilo, nihil ad nihilum, направляющихъ мысль къ признанію безсмертія души, Гирнъ видитъ завоеваніе поваго времени. Но, вѣдь, самый языкъ, на которомъ они изречены, пересталъ быть живымъ уже полторы тысячи лѣтъ. Напрасно думаютъ, что мысль о возникновеніи изъ ничего или превращеніи въ ничто представлялась древнимъ легко допустимою. Когда на ихъ глазахъ исчезали или появлялись вновь неожиданно и повидимому безпричинно предметъ, они думали тоже, что все думаютъ и теперь: „это — фокусъ или чудо“. Дикари тверже, чѣмъ культурные люди, вѣрятъ въ то, что душа не умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ (большая часть дикарей почитаетъ умершихъ предковъ). Это происходитъ оттого, что ихъ умъ, незатемненный по данному вопросу софизмами материализма, не можетъ остановиться на признаніи превращенія сущаго въ несущее. Смерть есть отдѣленіе одного элемента (души) отъ другихъ (тѣла), умозаключали древніе; Гирнъ заключаетъ буквально такимъ же образомъ.

Во все времена отъ созданія міра міръ говорилъ человеку о Богѣ, и не только размышленіе объ общемъ строѣ вселенной или о ея физическихъ законахъ направляло мысль къ Богу. Итъ; каждая группа явленій, каждая группа предметовъ при изслѣдованіи для незатемненнаго ума была достаточной, чтобы поднять его къ небу, потому что въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ и явленіи есть присутствіе или участіе Божества. У Лейбница, въ его монадологіи высказывается мысль, что въ каждой—хотя бы малѣйшей—монадѣ (всякая монада въ сущности есть микрокосмъ) наивысшій разумъ можетъ узрѣть всю вселенную съ ея настоящимъ, прошедшимъ и будущимъ, потому что прошедшее оставляетъ за собою слѣдъ, а будущее не даетъ ничего, что

уже не было бы дано въ настоящемъ. Монада есть слѣдствіе всего прошедшаго и потенциально заключаетъ въ себѣ все будущее. Но, для наивысшаго Разума, думаемъ, не нужно даже помощи и отъ монады, чтобы знать все. А для чело- вѣческаго разума достаточно монады, чтобы придти къ мысли о наивысшемъ Разумѣ. У Ксенофонта въ его *Ἀπομνημονεύματα Σωκράτους* приводится разговоръ Сократа съ Аристомедомъ. Размышленія о глазѣ или ухѣ оказываются по этому раз- говору достаточными, чтобы придти къ мысли о Богѣ. Нап- расно пронизываютъ надъ математическими или иными дока- зательствами бытія Божія. Данныя геометріи, какъ и жизнь народовъ, какъ и теченіе небесныхъ свѣтилъ, равно воз- вѣщаютъ о Богѣ. Богъ открывается во всемъ, и Его можно не видѣть, лишь намѣренно закрывши глаза.

Но не имѣеть ли права челоуѣкъ усумниться въ томъ, что открываетъ ему вселенная или его собственное сердце? Не долженъ ли онъ усумниться въ достовѣрности сво- его познанія? Науку о познаніи считаютъ достояніемъ цюваго времени и на ея выводахъ хотятъ утвердить отри- цаніе бытія Абсолютнаго или по крайней мѣрѣ удаленіе Его въ область непознаваемаго. Мы думаемъ, что какъ міръ во всѣ времена съ равною силою свидѣтельствовалъ о Богѣ, такъ и размышленіе челоуѣка о своихъ собствен- ныхъ познавательныхъ способностяхъ во всѣ времена должно было его утверждать въ истинности этого свидѣтельства. Три факта всегда—отъ временъ Протагора и Пиррона и до нашихъ дней—открывали нашему сознанію: 1) что наши представленія о вещахъ не соотвѣтствуютъ вещамъ, 2) что наши представленія о вещахъ достаточны для того, чтобы мы могли обращаться съ вещами, 3) что наши представ- ленія о вещахъ могутъ болѣе и болѣе улучшаться въ томъ смыслѣ, что мы можемъ болѣе и болѣе становиться госпо- дами вещей. Эти факты одинаково отрицаютъ, какъ вѣру въ абсолютное знаніе, такъ и абсолютный скептицизмъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ ни ведутъ къ предположенію и мысли о Существовѣ абсолютно знающемъ. Въ предположеніи бытія таковаго Существа находятъ себѣ объясненіе и фактъ суще- ствованія относительнаго познанія и фактъ сохраненія бытія существъ, обладающихъ несовершеннымъ познаніемъ. Такъ въ

мысли объ абсолютномъ существѣ человѣческой умъ находитъ свое послѣднее успокоеніе и утвержденіе.

Все, полагаемъ, должно убѣждать человѣка въ бытіи Божіемъ и утверждать его въ вѣрѣ въ собственную свободу и безсмертіе. Но для жизни недостаточно ни этого убѣжденія, ни этой вѣры. Они одни не приведутъ его къ небу и не дадутъ ему полнаго и благотворнаго познанія о Богѣ и о самихъ себѣ. Книга, которой посвящено настоящее разсужденіе, и всѣ подобныя книги, какъ бы онѣ ни были хорошо написаны, не дадутъ намъ ключей отъ царства небснаго. Онѣ только устраниаютъ сомнѣнія и обосновываютъ вѣру въ существованіе этого царства. Но къ самому царству ведетъ иной путь. Это — путь черезъ Христа. Идти по немъ можно лишь черезъ усвоеніе сверхъестественнаго откровенія и черезъ исполненіе Божественныхъ заповѣдей при помощи Божественной благодати.

С. Глаголевъ.

1 іюля 1898 г.
